

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЧУМАКОВ против РОССИИ»

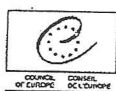
(Жалоба № 41794/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

24 апреля 2012 года

Данное постановление вступило в силу 24 сентября 2012 года.

По делу «Чумаков против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:
Нина Вайич, *Председатель*,
Анатолий Ковлер,
Пер Лоренсен,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Мирыяна Лазарова Трайковска,
Джулия Лаффранк, *судьи*,
а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,
проведя заседание 3 апреля 2012 года за закрытыми дверями,
вынесит следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основе жалобы (№ 41794/04) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Чумакова Владимира Александровича (далее — «заявитель») 19 сентября 2004 года.
2. Интересы заявителя в Суде представляла К. Костромина — адвокат, практикующий в г. Москва. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял П. Лаптев, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. Заявитель жаловался, в частности, на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, незаконное и чрезмерно длительное содержание под стражей, а также на незаконность уголовного преследования в отношении него, и отсутствие эффективных средств правовой защиты от предполагаемых нарушений его прав. Он ссылаясь на статьи 2, 3, 5, 6, 7, 8 и 13 Конвенции.
4. 24 октября 2005 года Председатель Первой Секции принял решение уведомить Власти о поданной жалобе. Также было решено рассмотреть жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1979 года рождения, проживает в городе Пятигорск, Ставропольского края.

А. Административное производство в отношении заявителя и предполагаемое жестокое обращение с заявителем

6. 29 сентября 2002 года была убита некая Ш. В связи с данным фактом на следующий день милицией было возбуждено уголовное дело.

7. В тот же день некий М., арестованный по обвинению в административном правонарушении за пребывание в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, пожаловался сотрудникам милиции, что накануне заявитель якобы затеял с ним перебранку и пытался развязать драку.

8. 2 октября 2002 года сотрудниками милиции К. и Б. в отношении заявителя был составлен протокол об административном правонарушении. Заявитель отрицал обвинения М.

9. 3 октября 2002 года мировой судья 1-го судебного участка Кировского района Ставропольского края вынес постановление о об административном правонарушении по которому признал заявителя виновным в нарушении общественного порядка в качестве наказания применен административный арест сроком на пять суток.

10. 3 октября 2002 года, в соответствии с вышеупомянутым постановлением от того же дня, заявитель был помещен в ИВС Кировского РОВД Ставропольского края («РОВД»).

11. По словам заявителя, в период с 3 по 6 октября 2002 года сотрудники милиции, посредством побоев и угроз изнасилованием резиновой дубинкой, заставили его признаться в убийстве Ш.

12. 6 октября 2002 года заявитель подписал признание в убийстве Ш. Он заявил, в частности, что задушил ее кабелем питания телевизора.

13. 7 октября 2002 года следователь, ведущий дело, вынес постановление о задержании заявителя по подозрению в совершении убийства.

14. Следователь также назначил судебно-медицинское освидетельствование заявителя, которое было проведено 7 октября 2002 года медицинским экспертом с десятилетним стажем работы, который подтвердил отсутствие повреждений на теле заявителя (заключение № 181).

Б. Предварительное содержание заявителя под стражей до суда

15. 8 октября 2002 года Кировский районный суд Ставропольского края («районный суд») в качестве меры пресечения определил содержание заявителя под стражей, отметив, что он подозревается в совершении особо тяжкого преступления и может скрыться от правосудия, а также что по месту жительства заявителя на него была получена плохая характеристика. Заявитель был переведен в следственный изолятор СИЗО-26/2 г. Пятигорска.

16. 9 октября 2002 года заявителю было предъявлено обвинение в убийстве.

17. 6 декабря 2002 года Кировский районный суд продлил срок предварительного содержания заявителя под стражей до 7 января 2003 года. Адвокат заявителя утверждал, что не было никаких оснований полагать, что заявитель может скрыться от правосудия, так как у него есть постоянное место жительства и работа и что заявитель признался в совершении преступления. Тот факт, что он был обвинен в особо тяжком преступлении не может, таким образом, являться основанием для его дальнейшего содержания под стражей. В решении суда говорилось следующее:

«Принимая во внимание, что предварительное расследование преступления невозможно завершить в течение двух месяцев ... нет никаких оснований для изменения или отмены меры пресечения [в отношении заявителя], учитывая, что [заявитель] обвиняется в совершении особо тяжкого, с высокой степенью общественной опасности, преступления, не исключена попытка заявителя скрыться от следственных органов и суда, судья считает необходимым удовлетворить ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей ... »

Заявитель данное постановление не обжаловал.

18. 27 декабря 2002 года заявитель потребовал от следователя исключения его признательных показаний, от 6 октября 2002 года из совокупности доказательств, утверждая, что он признался в убийстве под физическим и психологическим давлением со стороны сотрудников милиции во время административного задержания. Заявитель утверждал, что каждую ночь его выводили из камеры и доставляли в кабинет, где с целью получения признания на заявителя оказывалось психологическое давление.

19. 30 декабря 2002 года районный суд рассмотрел ходатайство следователя о продлении срока содержания заявителя под стражей. Заявитель утверждал, что он не собирается скрываться от правосудия и оказывать давление на свидетелей и обратился к суду с ходатайством об освобождении. Суд продлил срок его содержания под стражей до 7 февраля 2003 года на следующих основаниях:

«Принимая во внимание, что невозможно завершить предварительное расследование в течение двух месяцев ... нет никаких оснований для изменения

или отмены меры пресечения [в отношении заявителя], учитывая, что [заявитель] обвиняется в совершении особо тяжкого преступления и может вмешаться в проведение тщательного, всестороннего и объективного расследования или скрыться от следственных органов, судья считает необходимым удовлетворить ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей ... »

По-видимому, заявитель не обжаловал это постановление.

20. 31 января 2003 года судом заявителю была вручена копия обвинительного заключения.

21. 6 февраля 2003 года материалы дела были направлены в Кировский районный суд.

В. Судебное разбирательство и содержание заявителя под стражей до суда

1. Первый этап судебного разбирательства

22. После получения материалов дела, 6 февраля 2003 года районный суд назначил предварительное слушание на 17 февраля 2003 года. Он также постановил, что мера пресечения в виде содержания под стражей должна оставаться неизменной. По-видимому, заявитель не обжаловал это решение.

23. 19 мая 2003 года районный суд признал заявителя виновным в совершении убийства и приговорил его к девяти годам лишения свободы. В приговоре суд ссылаясь, в основном, на признательные показания заявителя. Суд принял во внимание показания сотрудников милиции, которые отрицали жестокое обращение с заявителем, а также судебно-медицинское заключение, согласно которому проведенная 7 октября 2002 года экспертиза не выявила никаких травм, признал жалобу заявителя на жестокое обращение необоснованной.

24. 20 июля 2003 года адвокатом заявителя были получены письменные показания некоего гражданина И.И., который заявлял, что он содержался в одной камере с заявителем в изоляторе временного содержания районного отделения милиции с 3 по 5 октября 2002 года. Он заявил, что ночью заявителя выводили из камеры. После своего возвращения заявитель рассказал ему, что сотрудники милиции избивали его и угрожали изнасилованием резиновой дубинкой.

25. 31 июля 2003 года краевой суд рассмотрел кассационную жалобу адвоката и заявителя на вынесенный Кировским районным судом приговор. Было установлено, что доказательства, на которых основывался приговор суда, содержат ряд несоответствий, которые не были устранены судом первой инстанции, и что неспособность должным образом вызвать в суд свидетелей со стороны заявителя оказала негативное влияние на состязательный характер судебного процесса. Краевой суд также постановил, что утверждения заявителя о

том, что его признательные показания были получены под принуждением, не были тщательно изучены, что заявления сотрудников милиции не являются достаточным доказательством их надлежащего поведения, а также, что жалоба адвоката заявителя в прокуратуру Кировского района («районная прокуратура») на незаконные действия сотрудников милиции была оставлена без ответа, и никакого расследования в этой связи проведено не было. В связи с этим, краевой суд отменил решение районного суда и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. В этом же кассационном определении суд указал, что мера пресечения в отношении заявителя остается без изменения — содержание под стражей.

2. Второй этап судебного разбирательства

26. 11 августа 2003 года материалы дела поступили в районный суд.

27. 12 августа 2003 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 6 ноября 2003 года, заявив о том, что заявитель обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, и что в случае его освобождения он может вмешаться в ход уголовного производства или уклониться от суда. Судом также было отмечено, что дело рассматривалось в судах более шести месяцев; что первоначальный срок содержания заявителя под стражей согласно пункту 2 статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса РФ истек, и что он должен быть продлен на следующие три месяца. Заявитель, который не присутствовал на заседании и не имел своего представителя, не обжаловал это решение.

28. 12 сентября 2003 года адвокатом заявителя были получены дополнительные письменные показания некоего И.Ш., который заявлял, что он содержался в одной камере с заявителем в изоляторе временного содержания районного отделения милиции в октябре 2002 г. Он также заявил, что ночью заявителя выводили из камеры. После своего возвращения заявитель сообщил ему о том, что сотрудники милиции били его в область почек и печени. И.Ш. далее заявлял, что он видел свежие ссадины на левом плече, локте и нижней губе заявителя.

29. 6 ноября 2003 года районный суд отклонил ходатайство заявителя об освобождении под подписку о невыезде и, ссылаясь на пункт 3 статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса РФ, продлил его содержания под стражей на три месяца до 6 февраля 2004 года на основаниях, аналогичных указанным в постановлении от 12 августа 2003 года. Адвокаты заявителя ссылались на длительный срок содержания под стражей, невиновность заявителя и ухудшение состояния его здоровья. Заявитель обжаловал данное постановление

суда, утверждая, в частности, что оно было недостаточно мотивированным.

30. 10 декабря 2003 года краевой суд отменил постановление от 6 ноября 2003 года, ссылаясь на отсутствие протокола судебного заседания в материалах дела, и направил дело в тот же суд на новое рассмотрение.

31. 8 января 2004 года районный суд в соответствии с пунктом 3 статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 6 февраля 2004 года. Суд приводил те же доводы, что были изложены в постановлении от 12 августа 2003 года. Адвокаты заявителя сослались на отсутствие оснований для дальнейшего содержания заявителя под стражей, в частности, на отсутствие обоснованного риска побега заявителя, наличие у него постоянного места жительства и работы, положительные отзывы с места жительства и длительный срок содержания под стражей. Суд постановил, что на этом этапе он не может принимать во внимание аргументы о невиновности заявителя. Суд не рассматривал другие доводы адвокатов заявителя. Заявитель данное решение не обжаловал.

32. 5 февраля 2004 года районный суд вновь рассмотрел вопрос о мере пресечения в отношении заявителя. Заявитель просил об освобождении из-под стражи, ссылаясь на ухудшение состояния здоровья и боли в области желудка. Его адвокаты сослались на чрезмерную длительность содержания заявителя под стражей и отсутствие оснований полагать, что он может скрыться или иным образом препятствовать разбирательству, а также на положительную характеристику заявителя. Суд отклонил их ходатайство об освобождении и на основании пункта 3 статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса РФ продлил содержание заявителя под стражей еще на три месяца, до 6 мая 2004 года на основаниях, аналогичных упомянутым в его предыдущих решениях. Суд не рассматривал аргументы адвокатов заявителя. По-видимому, заявитель не обжаловал это решение.

33. 22 марта 2004 года в квартире отца заявителя был произведен обыск. Жалобы отца заявителя на незаконность обыска были отклонены районной прокуратурой 13 апреля 2004 года и районным судом - 14 мая 2004 года.

34. 26 апреля 2004 года районный суд признал заявителя виновным и приговорил его к девяти годам лишения свободы. Он рассмотрел, в частности, показания И.Ш. (см. пункты 24 и 28 выше), который заявил в суде, что заявитель не жаловался на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, и что он не видел никаких телесных повреждений на теле заявителя. По словам И.Ш., его предыдущие заявления об обратном были ложными и были сделаны по просьбе

родителей заявителя и адвоката для того, чтобы помочь заявителю. Два других свидетеля, Р. и С., которые также в одно время в октябре 2002 года находились в одной с заявителем камере, также заявили, что они не слышали от заявителя о каком-либо давлении со стороны сотрудников милиции и не видели травм и телесных повреждений на его теле.

35. При рассмотрении кассационной жалобы 3 августа 2004 года краевой суд признал, что суд первой инстанции не смог должным образом оценить доводы защиты, и что право заявителя на защиту было нарушено. Он отменил приговор от 26 апреля 2002 года и направил дело в районный суд на новое рассмотрение. Краевой суд также постановил, что содержание заявителя под стражей в качестве меры пресечения должно оставаться неизменным.

3. Третий этап судебного разбирательства

36. 18 августа 2004 года материалы дела поступили в районный суд..

37. 23 августа 2004 года районный суд назначил предварительное слушание по делу на 1 сентября 2004 года. Он также постановил, что мера пресечения в виде содержания под стражей должна оставаться неизменной. По-видимому, заявитель не обжаловал это решение.

38. 1 сентября 2004 года районный суд, ссылаясь на пункт 3 статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса РФ, продлил срок содержания заявителя под стражей на три месяца, начиная с 13 августа 2004 года, до 13 ноября 2004 года. Суд отметил, что срок содержания заявителя под стражей, продленный 5 февраля 2004 года (см. пункт 32 выше), истек 13 августа 2004 года, и что дело было получено из краевого суда только 18 августа 2004 года. Заявитель обратился к суду с просьбой об освобождении, ссылаясь на ухудшение состояния своего здоровья и язву желудка. Суд постановил следующее:

«... обвиняемый ... обвиняется в совершении особо тяжкого преступления; обстоятельства дела не были ... установлены с достаточной степенью детализации ... в ходе судебного разбирательства, доказательства, которые могли определить [его] вину [или невиновность], не были рассмотрены...

Положительные характеристики обвиняемого ... не является достаточным основанием для освобождения из-под стражи, ... потому что в случае освобождения он может скрыться ... и препятствовать установлению истины в данном деле.

Суд не может принять во внимание ... утверждение о том, обвиняемый болен и нуждается в лечении, поскольку он не представил никаких соответствующих документов.

Суд не установил никаких процессуальных нарушений в отношении его содержания под стражей».

39. Заявитель и его адвокат обжаловали постановление от 1 сентября 2004 года, утверждая, что ранее установленный срок содержания заявителя под стражей истек 13 августа 2004 года и не был продлен судом. Следовательно, по их словам, заявитель незаконно удерживался под стражей в течение 18 дней с 13 августа по 1 сентября 2004 года.

40. 17 сентября 2004 года после обжалования краевой суд оставил без изменений постановление от 1 сентября 2004 года. Он заявил, что тот факт, что заявитель обвинялся в совершении особо тяжкого преступления, был справедливо учтен судом первой инстанции, что состояние здоровья заявителя не исключает его содержания под стражей, и что, таким образом, для продления срока содержания заявителя под стражей имелись достаточные основания.

41. 1 ноября 2004 года и 26 января 2005 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 13 февраля и 13 мая 2005 года, соответственно. При вынесении сходных постановлений суд руководствовался теми же основаниями для дальнейшего содержания заявителя под стражей, как и те, которые были изложены в постановлении от 1 сентября 2004 года. Заявитель не обжаловал ни одного из этих двух постановлений.

42. 25 апреля 2005 года районный суд признал заявителя виновным в убийстве и приговорил его к девяти годам лишения свободы. Во время судебного заседания показаний свидетеля И.Ш. (см. пункты 24, 28 и 34 выше) последний заявил, что заявителя время от времени выводили из камеры на допрос после 22 часов, и что он видел ссадину на губе заявителя, и что заявитель сообщил ему о своем избиении. По словам И.Ш., он не помнит, были ли у заявителя другие телесные повреждения. И.Ш. также заявил, что он жил в доме родителей заявителя в течение нескольких дней и выполнял для них некоторые работы, и что семья заявителя поддерживала его, когда он был задержан в рамках другого уголовного дела.

43. 22 сентября 2005 года краевой суд отменил этот приговор и направил дело на новое рассмотрение в районный суд. Краевой суд указал, что приговор суда первой инстанции был основан на противоречивых доказательствах. Он также постановил, что мера пресечения должна оставаться неизменной, поскольку для освобождения заявителя нет никаких оснований.

4. Четвертый этап судебного разбирательства

44. 11 октября 2005 года материалы дела поступили в районный суд.

45. 26 октября 2005 года районный суд провел предварительное слушание по этому делу с целью принятия решения о мере пресечения, которая должна быть применена в отношении заявителя. Заявитель

просил суд изменить в отношении него меру пресечения на иную не связанную с изоляцией от общества. Его адвокат обратился с ходатайством о замене меры пресечения на подписку о невыезде и надлежащем поведении, так как заявитель находился под стражей более трех лет, имел положительные характеристики и не имел намерения уклоняться от суда. Прокурор попросил оставить меру пресечения прежней.

46. Районный суд отметил, что уголовное дело заявителя находилось на рассмотрении суда с 6 февраля 2003 года и с этого дня его содержание под стражей регулировалось пунктом 3 статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса РФ, согласно которому срок был продлен, помимо первых шести месяцев, еще на три месяца. Далее суд отметил, что срок содержания заявителя под стражей продлевался неоднократно, и что в последний раз, 26 января 2005 года, районный суд санкционировал его содержание под стражей до 13 мая 2005 года. Он также отметил, что до истечения этого срока, 25 апреля 2005 года, заявитель был осужден судом первой инстанции. Далее суд отметил, что срок содержания заявителя под стражей, продленный 26 января 2005 года, следует рассматривать как истекший 9 октября 2005 года при условии, что период с 25 апреля 2005 года (даты осуждения) по 22 сентября 2005 года (даты его отмены приговора в кассационном порядке), исключен из срока содержания под стражей, в соответствии с пунктом 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №1 от 5 марта 2004 года. Таким образом, суд постановил, что срок содержания заявителя под стражей не был продлен в соответствии с процедурой, предусмотренной законом, и поэтому, несмотря на тяжесть предъявляемого ему обвинения, не было никаких законных оснований для его дальнейшего содержания под стражей. Суд постановил, что мера пресечения должна быть изменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении, и что заявитель должен быть немедленно освобожден.

47. 3 ноября 2005 года прокуратура обжаловала это решение, утверждая, что районный суд допустил ошибку в толковании положений пункта 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №1 от 5 марта 2004 года, так как из статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса РФ следует, что срок содержания под стражей начинается со дня передачи материалов уголовного дела в суд первой инстанции, а не со дня вынесения решения кассационной инстанцией. Поэтому, по мнению прокуратуры, срок содержания заявителя под стражей должен был истечь 29 октября 2005 года. Заявитель не согласился с доводами прокуратуры, указав на то, что он имеет постоянную работу, не имеет намерения скрываться от правосудия, а просто хотел, чтобы судебное разбирательство было завершено как можно скорее, и его доброе имя было восстановлено.

48. 30 ноября 2005 года краевой суд признал, что районный суд нарушил пункт 3 статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса РФ, поскольку срок содержания лица под стражей, обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, каждый раз продлевается по решению суда каждый раз не более чем на 3 месяца. Суд соглашается с доводами прокуратуры и считает, что началом срока следует считать 11 октября 2005 года, когда дело было передано в районный суд, и поэтому его следует рассматривать как истекший 29 октября 2005 года. Затем суд постановил, что неправильное применение процессуальной нормы было основанием для отмены постановления от 26 октября 2005 года, и постановил направить дело в районный суд на новое рассмотрение. По словам заявителя, он присутствовал на заседании 30 ноября 2005 года и был помещен под стражу сразу после судебного заседания.

49. 21 декабря 2005 года районный суд вынес постановление об освобождении заявителя под подписку о невыезде. Суд отметил, что заявитель содержался под стражей более трех лет, после его освобождения 26 октября 2005 года он сразу же начал работать и получил положительные отзывы от своих работодателей. Суд постановил, что нет никаких оснований полагать, что заявитель будет уклоняться от правосудия или оказывать давление на свидетелей и тем самым препятствовать установлению истины; следовательно, нет оснований содержать его под стражей. Заявитель был сразу же освобожден.

50. 2 мая 2006 года районный суд рассмотрел материалы уголовного дела заявителя в четвертый раз. На судебном заседании заявитель утверждал, что он невиновен и повторил, что он сделал свое признание на этапе досудебного расследования, потому что был избит, и ему угрожали сотрудники милиции.

51. Районный суд отметил, что обвинения против заявителя были основаны главным образом на его устных и письменных признательных показаниях, данных в ходе предварительного расследования, от которых он позже отказался, так как они были сделаны под давлением. Суд также отметил, относительно медицинского осмотра заявителя, проведенного 7 октября 2002 года, который не выявил у него никаких травм, что заявитель не был заблаговременно проинформирован о проведении судебно-медицинской экспертизы. Поэтому, по мнению районного суда, замечание в окончательном отчете медицинской экспертизы относительно того, что заявитель не имел никаких комментариев или вопросов к экспертам и не хотел ставить под сомнение авторитет экспертов, было лишено юридического значения.

52. Суд также указал, что постановление районной прокуратуры от 27 января 2003 года об отказе в возбуждении уголовного дела было

1

отменено 6 февраля 2006 года, и 15 февраля 2006 года прокуратура вновь отказала в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления в действиях сотрудников милиции. По мнению районного суда, однако, утверждение заявителя о том, что он дал признательные показания и подписал признание в результате давления со стороны сотрудников милиции, были подтверждены доказательствами по делу.

53. В частности, суд рассмотрел журнал задержанных в изоляторе временного содержания, где содержался заявитель, и отметил, что заявителя выводили из камеры 3 октября 2002 года, с 19:30 до 20:30 и 4 октября 2002 года с 18:25 до 18:50 и с 21:40 до 21:55. Суд также отметил, что, в соответствии с письменным признанием заявителя, признание было сделано 6 октября 2002 года в кабинете № 36 изолятора временного содержания, а не в его камере. Тем не менее, в журнале нет ни одной записи, подтверждающей, что он был в тот день выведен из своей камеры. Таким образом, районный суд сомневается в достоверности официальных документов. Суд установил, что признание заявителя не может рассматриваться как сделанное добровольно и поэтому неприемлемо в качестве доказательства.

54. Районный суд также отметил, что, когда заявитель был допрошен в качестве подозреваемого 7 и 9 октября 2002 года, в нарушение уголовно-процессуального законодательства он не был предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств. Рассмотрев совокупность доказательств по делу, районный суд также отметил, что в ряде аспектов имели место противоречия. В частности, заключение судебно-медицинской экспертизы тела III. свидетельствует о наличии многочисленных повреждений внутренних органов. Следственные органы, однако, никогда не пытались установить обстоятельств, при которых жертве были нанесены эти повреждения, а заявитель не признал причинение таких повреждений жертве, а просто признался, что задушил ее (см. пункт 12 ранее). В связи с этим районный суд отметил, что, исходя из материалов дела, в то время, когда заявитель дал признательные показания и подписал свое признание, вышеупомянутая экспертиза еще не была проведена, и следственные органы не знали о существовании этих травм.

55. Суд также перечислил ряд других недостатков в ходе предварительного расследования и несоответствия в приведенных доказательствах. Суд счел недоказанным, что заявитель совершил инкриминируемое ему преступление. Таким образом, суд оправдал заявителя и признал его право на реабилитацию.

56. 4 июля 2006 года после обжалования приговора Кировского районного суда Краевой суд определил приговор районного суда оставить без изменения. Краевой суд согласился с выводом суда

1.

первой инстанции о том, что признание было подписано в результате принуждения со стороны сотрудников милиции. В этой связи суд отметил, тот факт, что заявитель был выведен из своей камеры в нарушение соответствующих положений, установленных в следственном изолятоме СИЗО-26/2 г. Пятигорска, является доказательством принуждения, и, следовательно, доводы стороны обвинения, изложенные в жалобе о том, что суд в своем приговоре не указал конкретные методы принуждения и не указал виновных лиц, являются необоснованными. Суд также согласился с судом первой инстанции, что признательные показания заявителя, от которых он позже отказался, противоречили другим доказательствам по делу.

Г. Расследование по заявлению заявителя о жестоком обращении

57. 24 января 2003 года адвокат заявителя подал жалобу в районную прокуратуру по поводу жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников РОВД. По этой жалобе было проведено расследование. Были допрошены несколько сотрудников милиции. Они все отрицали утверждения заявителя о жестоком обращении.

58. 27 января 2003 года районной прокуратурой, на основании медицинской экспертизы № 181 от 7 октября 2002 года, отказать в возбуждении уголовного дела по утверждениям заявителя о жестоком обращении в связи с отсутствием состава преступления. Заявитель не обжаловал это постановление в суде.

59. 4 декабря 2003 года в районную прокуратуру поступила жалоба от матери заявителя о жестоком обращении с заявителем со стороны сотрудников РОВД.

60. 5 декабря 2003 года следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции. В суд не была представлена копия этого постановления. По-видимому, заявитель не пытался оспорить данное постановление.

61. 11 августа 2005 года районной прокуратурой было отменено постановление от 5 декабря 2003 года и назначила проведение дополнительного расследования.

62. В ходе проведения расследования А., начальник следственной группы, ответственной за расследование убийства Ш. во время событий, о которых идет речь, и З., заместитель начальника ИВС районного отдела милиции, были допрошены в период рассматриваемых событий. Они заявили, что никакого физического или психологического давления на заявителя не оказывалось и что заявитель добровольно признался в убийстве, а позже подтвердил свои признательные показания во время допроса в присутствии своего адвоката.

признательные показания во время допроса в присутствии своего адвоката.

63. 18 августа 2005 года районная прокуратура, со ссылкой на вышеупомянутые заявления А. и З., вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления в действиях сотрудников милиции. Заявитель не обжаловал это решение в суде.

64. 6 февраля 2006 года прокуратура Ставропольского края вынесла постановления об отмене ранее вынесенных постановлений от 27 января 2003 года и 18 августа 2005 года как незаконные и необоснованные ввиду того, что следственными органами не были установлены все относящиеся к делу факты. В частности, было отмечено, что заявитель не был допрошен, что в материалах расследования не было выписки из официального журнала заявок на оказание медицинской помощи в период с 3 по 6 октября 2002 года, что журнал задержанных в изоляторе временного содержания, где заявитель содержался в течение соответствующего периода, не был изучен с целью установления, когда и кем заявитель был выведен из камеры(камер) для допроса и выявления тех, кто находился вместе с ним в камере(камерах), чтобы они могли быть допрошены по поводу его заявлений, и что сотрудник милиции, который присутствовал, когда заявитель подписывал признание, не был допрошен в этой связи, и что другой сотрудник милиции, который составлял протокол об административном правонарушении в отношении заявителя, не был допрошен по этому поводу, и что Р. и С., которые, предположительно, содержались в одной камере с заявителем, не были допрошены. Районная прокуратура, в этой связи, постановила устранить эти недостатки в ходе дополнительного расследования.

65. 15 февраля 2006 года районная прокуратура вновь вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции в связи с отсутствием состава преступления в их действиях.

66. Согласно постановлению, в ходе допроса, проведенного во время дополнительного расследования заявитель сообщил, что 2 октября 2002 года его доставили из его дома в отделение милиции, где он встретил сотрудников милиции Г. и Б. Последний, согласно инструкциям Г., составил протокол об административном правонарушении, в котором говорится, что заявитель нецензурно выражался в общественном месте. Заявитель содержался в отделении милиции с 4 до 10 часов вечера, а затем был доставлен в РОВД. 3 октября 2002 года к нему был применен административный арест на пять суток и он помещен в ИВС районного отделения милиции. Каждый вечер сотрудники Кировского РОВД А. и Г. приводили его в кабинет на третьем этаже, где подвергали его психологическому

14

давлению. 6 октября 2002 года, под давлением, он был вынужден сделать письменное признание в убийстве Ш., которое продиктовал ему Г.

67. Далее в постановлении были процитированы слова сотрудника милиции А., который заявил, что он присутствовал, когда его подчиненные, П. и Г., допрашивали заявителя. Никакие физические или иные формы принуждения не были использованы в отношении заявителя, который добровольно признался в убийстве и подтвердил свои заявления в присутствии своего адвоката.

68. З., заместитель начальника ИВС районного отделения милиции на тот момент, заявил, что к заявителю не была применена сила, и заявитель не подавал никаких жалоб во время его содержания в указанном учреждении. З. также заявил, что заявитель, Р. и С. никогда не содержались в одной камере в одно и то же время.

69. Г. заявил, что 6 октября 2002 года ему сообщили, что заявитель желает его видеть. Он встретился с заявителем в изоляторе временного содержания. Заявитель сообщил ему, что он убил Ш. и добровольно написал свое признание.

70. Б. заявил, что 2 октября 2002 года М. жаловался ему, что заявитель выражался при нем нецензурно. Он составил протокол об административном правонарушении и направил его в суд.

71. Р., который содержался в ИВС с 1 по 6 октября 2002 года за совершение административного правонарушения, подтвердил, что он сидел в одной камере с заявителем, и подтвердил, что заявитель не жаловался на сотрудников милиции, которые допрашивали его. С., который также содержался под стражей в течение соответствующего периода, также был допрошен, но не дал никакой информации, касающейся утверждений заявителя.

72. В постановлении было отмечено, что, в соответствии с документами об оказании медицинской помощи в ИВС, заявитель никогда не обращался за медицинской помощью. Он также не подавал никаких жалоб, касающихся его здоровья.

73. В постановлении также указано, что в соответствии с журналом содержащихся в ИВС, Г. вывел заявителя из камеры 4 октября 2002 года в 18:45 и привел его обратно в 18:50; в тот же день П. вывел его из камеры в 21:40 и привел обратно в 21:55. 7 октября 2002 года заявителя выводили из камеры в период с 9 утра до 18:15 проверки показаний на месте. Все остальное время заявитель находился в своей камере.

74. В постановлении, таким образом, сделан вывод о том, что в ходе проведенного расследования утверждения заявителя о жестоком обращении не подтвердились. Заявитель не обжаловал это постановление в суде.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Уголовно-процессуальный кодекс

75. С 1 июля 2002 года вопросы уголовно-процессуального права регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (Закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года, далее – «Кодекс»).

1. Меры пресечения

76. «Мерами пресечения» являются: подписка о невыезде, личное поручительство, залог, заключение под стражу (статья 98). При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения компетентный орган обязан установить, имеются ли «достаточные основания полагать», что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, продолжит заниматься преступной деятельностью или воспрепятствует производству по уголовному делу (статья 97). Также должны учитываться тяжесть предъявленного обвинения, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (статья 99). В исключительных случаях, при наличии оснований, предусмотренных статьёй 97 УПК, мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого с учётом обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК (статья 100). При необходимости у подозреваемого, обвиняемого может быть взято обязательство о явке (статья 112).

2. Предельный срок содержания под стражей

(а) Два вида содержания под стражей

77. В Кодексе проводится различие между двумя видами содержания под стражей: первый – «в период расследования», то есть в то время, как компетентный орган – милиция или прокуратура – расследует дело, а второй – «в ходе судебного производства» (или «во время рассмотрения дела судом»), на стадии судебного разбирательства.

(б) Предельные сроки содержания под стражей «в период следствия»

78. Мера пресечения в виде заключения под стражу может применяться только по решению суда в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения

свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (статья 108). Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (статья 109). Этот срок может быть продлен судьей на срок до шести месяцев (часть 2 статьи 109). Дальнейшее продление срока может быть санкционировано судьей только в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений (часть 3 статьи 109). Дальнейшее продление срока не допускается, а лицо, содержащееся под стражей, подлежит немедленному освобождению (часть 4 статьи 109).

(в) Предельные сроки содержания под стражей «до суда»

79. С момента направления прокурором дела в суд первой инстанции подсудимый считается содержащимся под стражей «в ходе судебного производства» (или «во время рассмотрения дела судом»). Срок содержания под стражей «во время рассмотрения дела судом» исчисляется до вынесения судебного постановления судом первой инстанции. Как правило, он не может превышать шести месяцев с момента получения материалов дела судом, но по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суд первой инстанции может продлить срок содержания под стражей один или несколько раз, каждый раз не более чем на три месяца (части 2 и 3 статьи 255).

Б. Практика Суда

80. В Постановлении Пленума Верховного Суда № 1 от 5 марта 2004 года «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», применявшегося в соответствующий период, Верховный Суд Российской Федерации отметил с учетом положений пункта 3 статьи 255 Кодекса, что при принятии решения о продлении срока содержания подсудимого под стражей во время рассмотрения дела судом, суд должен привести основания, оправдывающие продление, и указать его срок (пункт 16).

81. Он [Суд] также объявил, что в значении пункта 2 статьи 255 УПК период времени после вынесения приговора судом первой инстанции и до вступления обжалованного и оставленного без изменения приговора в силу не может быть учтен при расчете шестимесячного срока содержания лица под стражей во время рассмотрения дела судом (пункт 26).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

82. Заявитель жаловался, что с 3 по 6 октября 2002 года сотрудники милиции подвергли его жестокому обращению и не было проведено надлежащего расследования по данному факту. Он ссылаясь на статьи 3 и 13 Конвенции, которые предусматривают следующее:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

83. Заявитель утверждал, что во время его содержания под стражей в изоляторе временного содержания Кировского РОВД Ставропольского края он был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, в нарушение статьи 3 Конвенции. Что касается судебно-медицинской экспертизы, проведенной 7 октября 2002 года, в ходе которой у него не было обнаружено никаких травм, заявитель сослался на выводы районного суда, изложенные в приговоре суда от 2 мая 2006 года, где было установлено, что заявитель и его адвокат не были уведомлены о распоряжении следователя относительно проведения такого обследования, пока оно не было проведено, и поэтому замечание в соответствующем заключении экспертов о том, что заявитель не имел никаких замечаний, вопросов или возражений в отношении экспертов, было лишено какого-либо юридического значения.

84. Он также утверждал, что в своем приговоре от 2 мая 2006 года районный суд исключил его признательные показания как недопустимые доказательства, заявив, что утверждение заявителя о том, что показания были даны под давлением со стороны сотрудников милиции, было подтверждено отсутствием в журнале ИВС записи о том, что в тот день, когда он подписал признание, его выводили из камеры, в то время как признание, как было установлено судом, было написано в кабинете РОВД. Поэтому, по мнению заявителя, в своем

приговоре от 2 мая 2006 года районный суд признал тот факт, что сотрудники милиции оказывали на него давление.

85. Заявитель также утверждал, что власти не смогли провести эффективное расследование его заявлений о жестоком обращении, и поэтому он был лишён эффективных средств правовой защиты в нарушение статьи 13 Конвенции.

86. Власти утверждали, что заявитель располагал эффективными средствами правовой защиты касательно его жалобы на жестокое обращение в соответствии со статьей 3 Конвенции, как это предусмотрено статьей 13, но он не воспользовался этими средствами. В частности, они утверждали, что в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ заявитель мог обжаловать в суде постановление районной прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с его заявлениями, но он не воспользовался этим средством правовой защиты. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал национальных средств правовой защиты в отношении своей жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции.

87. Что касается существа жалобы заявителя, Власти настаивают, что утверждения заявителя о жестоком обращении были должным образом рассмотрены районной прокуратурой и оказались необоснованными. Они указали на то, что медицинская экспертиза, проведенная 7 октября 2002 года, то есть сразу же после того, как заявитель якобы подвергнулся жестокому обращению, не выявила никаких повреждений на его теле. Власти также ссылались на показания сотрудников милиции, против которых были направлены обвинения заявителя, полученные в ходе предварительного расследования, а также их письменные показания, которые были предоставлены ими в суд, где они отрицали факт жестокого обращения с заявителем.

88. Власти предоставили Суду заявления сотрудников ИВС, в котором содержался заявитель, а также троих задержанных, Р., С. и М., которые в разные времена содержались с ним в одной камере; все они отрицали наличие повреждений на теле заявителя.

89. Власти также утверждали, что тот факт, что в ходе четвертого этапа судебного разбирательства суд первой инстанции исключил признание заявителя как неприемлемое доказательство, не доказывает, что утверждения заявителя о жестоком обращении были надежными, так как суд первой инстанции лишь упоминает отсутствие в журнале ИВС за соответствующий период записи о том, что в тот день, когда заявитель сделал свое признание, его выводили из камеры.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

90. Власти утверждали, что заявитель не обжаловал, согласно статье 125 УПК РФ, процессуальное решение, на основании которого районная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела по заявлениям о жестоком обращении.

91. В этой связи Суд напоминает, что, в принципе, возможность обжаловать решение о прекращении уголовного дела может дать существенную защиту от произвольного использования своих полномочий следственным органом, с учетом полномочий суда отменить такое решение и указать на недостатки такого решения, которые должны быть устранены. (см., *mutatis mutandis*, решение Европейского Суда от 14 октября 2003 года по делу «Трубников против России», жалоба № 49790/99). Таким образом, при обычном ходе событий такое обжалование может рассматриваться в качестве возможного средства правовой защиты от необеспечения органами прокуратуры надлежащего рассмотрения жалоб заявителя. Тем не менее, Суд подвергает сомнению тот факт, что в настоящем деле такое средство правовой защиты можно считать эффективным. Суд отмечает, что решение районной прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям о жестоком обращении было отменено вышестоящей прокуратурой, по крайней мере, дважды, когда прокуроры поручили следственным органам провести дополнительное расследование (см. пункты 61 и 64 выше). По результатам дополнительного расследования также были приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела (см. пункты 63 и 65 выше). При таких обстоятельствах, Суд не убежден в том, что обжалование в судебном порядке, результат которого мог быть только таким же, позволило бы заявителю получить соответствующую компенсацию. Суд полагает, таким образом, что такое обжалование в конкретных обстоятельствах данного дела было бы лишено какой-либо цели. Суд считает, что заявитель не был обязан добиваться применения этого средства правовой защиты и постановляет, что возражение Властей должно быть отклонено (см. постановление Европейского Суда от 17 января 2008 года по делу «Хациева и другие против России» (*Khatsiyeva and Others v. Russia*), № 5108/02, пункт 151, или постановление Европейского Суда от 29 марта 2011 года по делу «Эсмухамбетов и другие против России» (*Esmukhambetov and Others v. Russia*), № 23445/03, пункт 128.).

92. Суд отмечает, что в данной части жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3(а) статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она является приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Предполагаемое жестокое обращение с заявителем

(i) Общие принципы

93. Суд неоднократно упоминал о том, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества и, таким образом, категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание (см., например, дела *«Аксой против Турции»*, 18 декабря 1996 года, пункт 62, *Сборник постановлений и решений Европейского Суда* 1996-VI, и *«Айдын против Турции»*, 25 сентября 1997 года, пункт 81, *Отчеты* 1997-VI).

94. Жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, чтобы на акт такого обращения распространялось действие статьи 3. Оценка этого минимума зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность неправомерного обращения, физические и психические последствия и в некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см. постановление Европейского Суда от 18 января 1978 года по делу *«Ирландия против Соединенного Королевства»* (Ireland v. the United Kingdom), пункт 162, Series A № 25, и *постановление Европейского Суда по делу «Яллох против Германии»* (Jalloh v. Germany) [GC], № 54810/00, пункт 67, ECHR 2006-IX). Другие факторы расцениваются с учетом целей, намерений или мотивов, по которым неправомерное обращение было применено (см., например, дела *«Аксой»* (Aksoy), упомянутое выше, пункт 64; *«Эгмез против Кипра»* (Egmez v. Cyprus), № 30873/96, пункт 78, ECHR 2000-XII; и *«Крастанов против Болгарии»* (Krastanov v. Bulgaria), № 50222/99, пункт 53, 30 сентября 2004 года), а также степени эмоциональной напряженности (см., например, дело *«Селмуни против Франции»* (Selmouni v. France) [GC], № 25803/94, пункт 104, ECHR 1999-V).

95. Суд относил обращение с тем или иным лицом к категории «бесчеловечного», в числе прочего, в случае преднамеренного характера такого обращения, если оно имело место на протяжении нескольких часов непрерывно или если в результате этого обращения был нанесен реальный физический вред, либо причинены значительные физические или душевные страдания (см. дела *«Лабита против Италии»* (Labita v. Italy) [GC], № 26772/95, пункт 120, ЕСПЧ 2000-IV, и *«Рамирес Санчес против Франции»* (Ramirez Sanchez v. France) [GC], № 59450/00, пункт 118, ECHR 2006-IX). Обращение признается «унижающим достоинство», если оно пробуждает в пострадавших чувство страха, тревоги и неполноценности, способное

оскорбить и унижить их и, возможно, сломить их физическое или моральное сопротивление, или когда оно побуждает пострадавшего действовать против его воли и совести (см., *inter alia*, «Кинан против Соединенного Королевства» (*Keenan v. The United Kingdom*), № 27229/95, пункт 110, ЕСЧР 2001-III, и «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), приводившееся выше, пункт 68).

96. При оценке доказательств Суд, как правило, применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения». (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), пункт 161). Доказательство, отвечающее указанному принципу, может следовать одновременно из достаточно обоснованных, очевидных и согласующихся умозаключений или схожих неопровергнутых фактических презумпций.

97. В ситуации национальных судебных разбирательств Суд не может заместить оценку фактов, произведенную национальными судами, своей собственной оценкой, и, как правило, именно обязанностью национальных судов является оценка предъявленных им доказательств (см. «Клаас против Германии» (*Klaas v. Germany*), 22 сентября 1993 года, пункт 29, Series A № 269). Хотя Суд и не связан выводами национальных судов, чаще всего требуется наличие неоспоримых доказательств, чтобы заставить его отклониться от выводов, достигнутых этими судами (см. «Матко против Словении» (*Matko v. Slovenia*), № 43393/98, пункт 100, от 2 ноября 2006 года). Однако в случае, если обвинения предъявляются в соответствии со статьей 3 Конвенции, Суд должен особенно тщательно рассмотреть дело (см., среди других прецедентов, дело «Владимир Романов против России» (*Vladimir Romanov v. Russia*), № 41461/02, пункт 59, 24 июля 2008 года).

(ii) Применение вышеупомянутых принципов к настоящему делу

98. В настоящем деле стороны согласны с тем, что в период с 3 по 6 октября 2002 года заявитель находился в изоляторе временного содержания РОВД в рамках административного производства, инициированного против него. Заявитель утверждал, что в течение этого периода времени сотрудники милиции избивали его и угрожали сексуальным насилием, пытаясь заставить заявителя признаться в убийстве III. Власти отрицали эти обвинения со ссылкой на судебно-медицинское заключение № 181 от 7 октября 2002 года (см. пункт 14 выше), согласно которому на потерпевшем не было следов травм, а также на выводы внутреннего расследования по этому вопросу.

99. Суд отмечает, что 7 октября 2002 года, то есть сразу же после того, как заявитель предположительно подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, он действительно

23

прошел медицинское обследование, которое свидетельствовало, что на теле заявителя не было следов физического воздействия. Кроме того, в приговоре районного суда от 2 мая 2006 года отмечены некоторые процессуальные недостатки при проведении обследования заявителя, в частности, тот факт, что заявитель и его адвокат не были проинформированы о решении следователя провести такую экспертизу и узнали об этом только после завершения обследования, в результате чего заявитель был явно не в состоянии эффективно выдвигать возражения против назначенного эксперта, задавать какие бы то ни было вопросы или давать касающиеся экспертизы комментарии (см. пункт 51 выше). Национальный суд, однако, не уточнил, являются ли данные недостатки достаточно серьезными для того, чтобы поставить под сомнение подлинность указанного судебно-медицинского заключения об отсутствии каких-либо травм у заявителя. Согласно вышеуказанным обстоятельствам, Суд не может сделать вывод, что судебно-медицинское заключение от 7 октября 2002 года является недостоверными, как указывает заявитель в жалобе.

100. Кроме того, Суд отмечает, что в ходе разбирательства в национальных судах заявитель и его адвокаты ссылались на показания свидетеля И.Ш., который в период с 3 по 6 октября 2002 года находился в одной камере с заявителем и который предположительно видел, что заявитель был травмирован и слышал, как он жаловался на избиения со стороны сотрудников милиции. В этой связи Суд отмечает, что во время судебных разбирательств И.Ш. неоднократно менял свои показания в части утверждения о жестоком обращении с заявителем (см. пункты 24, 28, 34 и 42 выше), что не может не подрывать их надежность. Кроме того, беспристрастность свидетеля также остается под вопросом, учитывая его заявление о том, что он был связан с семьей заявителя (см. пункт 42 выше). Два других свидетеля, Р. и С., которые в разное время в указанный период также находились в одной камере с заявителем, уверенно заявляли национальным властям и в своих письменных показаниях, представленных властями в Суде, что они не видели травм на теле заявителя и не слышали от него жалоб на избиения или давление иного рода со стороны сотрудников милиции (см. пункты 34, 71 и 88 выше).

101. С учетом этого Суд не может сделать вывод о том, подвергался ли на самом деле заявитель избиению со стороны сотрудников милиции, как он на том настаивает.

102. Суд не упускает из виду утверждение заявителя о том, что сотрудники милиции также подвергли его психологическому давлению - одному из видов воздействия, которое по очевидным причинам не оставляет никаких видимых следов. Заявитель утверждал, в частности, что ему угрожали изнасилованием резиновой дубинкой. Суд напоминает в этой связи, что угроза совершения действия,

4

запрещенного статьей 3, при условии, что она является реальной и возможной для незамедлительного исполнения, может быть расценена как несоблюдение этого положения. Таким образом, угроза пытками может представлять собой бесчеловечное обращение (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» *Gäfgen v. Germany*, № 22978/05, пункт 91, ECHR 2010).

103. В данном случае, районный суд в своем приговоре от 2 мая 2006 года признал утверждение заявителя о том, что он признался в убийстве Ш. под принуждением со стороны сотрудников милиции обоснованным, и таким образом отклонил признательные показания заявителя, сделанные им на стадии предварительного расследования как неприемлемые доказательства (см. пункты 51-53 выше). Как следует из вышеупомянутого приговора, выводы суды основывались на противоречии между тем фактом, что признание заявителя было написано 6 октября 2002 года в кабинете следователя, и отсутствием записи в журнале учета задержанных в изоляторе временного содержания о том, что заявителя выводили из камеры в тот день. Тем не менее, национальные суды в данном деле не сочли необходимым более подробно остановиться на этом вопросе и установить, какие именно методы принуждения были применены к заявителю (см. противоположные выводы в постановлении Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen*), выше, пункты 94-5). Действительно, в своем определении от 4 июля 2006 года, когда краевой суд оставил приговор от 2 мая 2006 года без изменений, он отклонил аргументы стороны обвинения по этому поводу, заявив, что сам факт, что заявитель был выведен из своей камеры в нарушение соответствующих положений, установленных в следственном изоляторе, является доказательством принуждения (см. пункт 56 выше). По мнению Суда, такая форма принуждения, не может рассматриваться как соответствующая «минимальному уровню жестокости» и подпадающая под действие статьи 3 Конвенции. В отсутствие каких-либо других выводов национальных судов в этой связи, Суд не может оценить, является ли давление на заявителя со стороны сотрудников милиции, установленное национальными судами, нарушением статьи 3 Конвенции.

104. В свете вышеизложенного, Суд считает, что не располагает достаточными доказательствами, которые позволили бы "вне всякого сомнения" заключить, что заявитель, по его утверждениям, был подвергнут любой форме неправомерного обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Соответственно, Суд считает, что нарушение статьи 3 Конвенции с точки зрения ее материального аспекта, не имело места.

45

(б) Предполагаемая неэффективность проведенного расследования

105. Суд напоминает, что если лицо выдвигает небезосновательное утверждение о том, что оно подверглось обращению, нарушающему требования статьи 3, со стороны сотрудников милиции или других представителей государственных органов, данное положение – во взаимосвязи с общим обязательством государств в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», предполагает необходимость проведения эффективного официального расследования. Обязательство по проведению расследования касается «не результата, а используемых средств»: не каждое расследование обязательно приводит к успешному результату или выявляет факты, совпадающие с мнением заявителя о произошедших событиях; однако, оно, по существу, должно привести к установлению фактов дела и, если доводы оказываются верными, к установлению личности и наказанию виновных лиц. Таким образом, расследование серьезных обвинений в жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что государственные органы всегда должны предпринимать серьезные попытки установить, что на самом деле произошло, и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования по делу или в качестве основания для вынесения каких-либо решений. Они должны принимать все разумные и доступные им меры для получения доказательств по делу, включая, *inter alia*, свидетельские показания, вещественные доказательства и так далее. Любой недостаток расследования, снижающий вероятность установления причины повреждений или определения виновных лиц, может привести к выводу о том, что расследование не будет соответствовать данному стандарту (см., среди других прецедентов, дело "Михеев против России (*Mikheyev v. Russia*)", жалоба № 77617/01, пункт 107 и далее, 26 января 2006 года, и дело "Ассенов и другие против Болгарии" (*Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 октября 1998 г., пункт 102 и далее, "Сборник решений и постановлений" 1998-VIII).

106. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что в своей жалобе от 27 декабря 2002 года заявитель представил описание жестокого обращения, которому, по его словам, он подвергся во время своего административного задержания между 3 и 6 октября 2002 года (см. пункт 18 выше). Затем он последовательно настаивал на своих заявлениях во время внутригосударственных разбирательств, и они были признаны не лишёнными оснований внутригосударственными судами в их постановлениях от 2 мая и 4 июля 2006 года (см. пункты 52, 53 и 56 выше). Суд не видит причин не верить фактам, установленным в ходе внутригосударственного судебного разбирательства, и считает, что жалоба заявителя на жестокое обращение может быть доказана в контексте статьи 3 в ее

2

процессуальном аспекте, а внутригосударственные органы власти были, таким образом, обязаны провести тщательное и эффективное расследование, способное выявить и наказать виновных.

107. Кроме того, Суд отметил, что Власти провели внутреннее расследование в связи с утверждениями заявителя. Однако, у Суда есть сомнения в том, что данное расследование было проведено тщательно и эффективно, и может соответствовать требованиям статьи 3 Конвенции.

108. В связи с этим Суд прежде всего отмечает, что, несмотря на то, что национальные власти начали данное расследование в разумные сроки, представляется, что в течение первых трех лет оно было формальным и поверхностным. Из обстоятельств дела становится ясно, что уголовное дело, возбужденное в связи с жалобой адвоката заявителя от 24 января 2003 года, было прекращено 27 января 2007 года, то есть три дня спустя (см. пункты 57 и 58 выше). Другое уголовное дело, возбужденное в связи с жалобой матери заявителя от 4 декабря 2003 года, было прекращено на следующий день - 5 декабря 2003 года (см. пункты 59 и 60 выше). У Суда есть большие сомнения в том, что за такие короткие отрезки времени были или могли быть проведены эффективные следственные мероприятия.

109. Суд также отмечает, что с 2003 по 2005 годы данное расследование сводилось лишь к допросу сотрудников милиции, против которых направлены обвинения заявителя. Неудивительно, что эти официальные лица отрицали обвинения заявителя в жестоким обращении. В результате вынесения вышестоящей прокуратурой постановления от 6 февраля 2006 года, где были указаны недостатки расследования и содержалось распоряжение устранить их, очевидно, было проведено более тщательное расследование. Так, судя по всему, в первый раз были допрошены иные лица, кроме вышеупомянутых должностных лиц; в их числе были заявитель и задержанные, находившиеся с ним в одной камере в интересующий следствие период времени. Кроме того, были исследованы некоторые вещественные доказательства, в частности, медицинские карты и журнал учета заключенных того изолятора временного содержания, где находился заявитель. Однако даже такое расследование трудно назвать удовлетворительным, учитывая хотя бы то, что, по словам заявителя, национальные суды не сочли его результаты достоверными.

110. Суд отмечает также, что в ходе дальнейшего расследования не был предпринят ряд важных действий. В частности, не был допрошен медицинский работник, проводивший судебно-медицинскую экспертизу 7 октября 2002 года, и заявителю в ходе расследования не было предоставлено возможности поставить перед медицинским экспертом вопросы о проведенной экспертизе. Этот шаг представлялся бы самым обоснованным, так как, по замечанию районного суда,

судебно-медицинская экспертиза имела некоторые недостатки, нарушавшие процессуальные права заявителя (см. пункт 51 выше).

111. Больше того, как Суд уже отмечал выше, в приговоре от 2 мая 2006 года районный суд сделал несколько выводов, позволивших ему заключить, что жалобы, сделанные заявителем, небезосновательны. В частности, он установил расхождение между тем фактом, что заявитель подписал признание в кабинете следователя, и отсутствием каких-либо записей в журнале учета, которые свидетельствовали бы о том, что заявитель покидал свою камеру в этот день. Кроме того, суд отметил противоречие между описанием убийства Ш., которое сделал заявитель в своем письменном признании, и результатами медицинской экспертизы тела жертвы, проведенной после дачи заявителем признательных показаний (см. пункт 54 выше). Суд отмечает, что все эти расхождения остались незамеченными следствием, в то время как районный суд смог обнаружить их на основе тех же материалов. По мнению Суда, это означает, что следственные органы не пытались усердно и тщательно расследовать обстоятельства жалобы, поданной заявителем.

112. С учетом указанных обстоятельств, Суд заключает, что расследование по обвинению в жестоком обращении с заявителем было недостаточным и неэффективным.

113. Соответственно, в этом отношении имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

(в) Предполагаемое отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты

114. Суд отмечает, что, обжалуя в соответствии со ст. 13 отсутствие внутренних средств правовой защиты, заявитель по существу жаловался на неэффективность расследования его заявления о жестоком обращении. Учитывая вывод, сделанный выше в пункте 113, Суд не считает необходимым рассматривать эту жалобу, так как она не поднимает отдельного вопроса по обстоятельствам данного дела.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

115. Заявитель жалуется на то, что в некоторые периоды его содержания под стражей не основывались на надлежащем решении компетентного органа и таким образом его содержание под стражей в эти периоды времени было незаконным. В частности, он обжалует определение суда от 6 февраля 2003 года, где утверждалось лишь, что мера пресечения по отношению к нему должна остаться неизменной, и определение суда от 12 августа 2003 года, продлевавшее срок заключения заявителя в отсутствие его самого и его адвоката.

Заявитель также обжалует тот факт, что 3 августа 2004 года национальный суд постановил оставить его под стражей без предоставления объяснений или уточнения, на какой срок. Он также жалуется, что 1 сентября 2004 года суд продлил его срок содержания под стражей на три месяца, начиная с 13 августа 2004 года, санкционировав таким образом его содержание под стражей с 13 августа по 1 сентября задним числом. И последнее, заявитель жалуется на то, что его содержание под стражей с 13 ноября 2004 года по 25 апреля 2005 года было незаконным. Эта жалоба должна быть рассмотрена в рамках подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, который в соответствующей части гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения»

...”

А. Доводы сторон

116. Заявитель утверждает, что его содержание под стражей с 3 по 13 августа 2004 года не осуществлялось «в соответствии с процедурой, предусмотренной законом». В частности, в своем определении от 3 августа 2004 года об оставлении в силе меры пресечения, краевой суд не указал основания продления срока его содержания под стражей. Заявитель утверждает, что отмена приговора в кассационном порядке не влечет за собой по умолчанию применения меры пресечения в виде лишения свободы. Продлевая срок содержания под стражей заявителя под стражей постановлением от 3 августа 2004 года, краевой суд должен был предоставить объяснения, основывающиеся на конкретных фактах.

117. Заявитель также утверждает, что его содержание под стражей в период с 3 по 13 августа 2004 года не охватывается постановлением суда от 5 февраля 2004 года, поскольку оно санкционирует лишь его содержание под стражей с 6 февраля по 6 мая 2004 года. Оно не имело законной силы после 26 апреля 2004 года, когда он был осужден судом первой инстанции, и, в любом случае, после 6 мая 2004 года, когда истек период содержания под стражей, санкционированный этим постановлением.

23

118. Заявитель также утверждает, что ни определение от 3 августа 2004 года, ни постановление от 23 августа 2004 года не могут рассматриваться как законное основание для его содержания под стражей в период с 13 августа 2004 года по 1 сентября 2004 года, учитывая отсутствие каких-либо обоснований такового в обоих этих определениях. Помимо этого, того, постановление суда от 1 сентября 2004 года также не может рассматриваться как законное основание для этого, поскольку оно санкционировало содержание под стражей заявителя в указанный период задним числом, что не предусмотрено национальным законодательством.

119. Власти утверждают, что содержание заявителя под стражей на протяжении всего периода с 8 октября 2002 года, когда было вынесено постановление о заключении заявителя под стражу, и до 26 октября 2005 года, когда он был освобожден, было должным образом санкционировано и соответствовало установленной законом процедуре, как того требует пункт 1 статьи 5 Конвенции.

120. В частности, власти утверждают, что содержание заявителя под стражей с 3 по 13 августа 2004 года было законным и основывалось на определении Ставропольского краевого суда от 3 августа 2004 года об оставлении меры пресечения неизменной. Они также утверждают, что заявитель мог оспорить определение от 3 августа 2004 года в порядке процедуры надзорного производства, но не сделал этого. Таким образом, ему не удалось исчерпать внутренние средства правовой защиты в этом отношении. Далее власти ссылаются на постановление суда от 5 февраля 2004 года, продлевавшее срок содержания заявителя под стражей до 6 мая 2004 года; они указывают, что заявитель был осужден судом первой инстанции 26 апреля 2004 года, то есть за десять дней до истечения срока заключения его под стражей, санкционированного постановлением от 5 февраля 2004 года. Власти утверждают, ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда от 5 марта 2004 года (см. выше, пункт 81), что этот десятидневный период продолжился с 3 августа 2004 года, после того, как постановление от 26 апреля 2004 года было отменено в кассационном порядке. Таким образом, по утверждению Властей, содержание заявителя под стражей с 3 по 13 августа 2004 года охватывается определением суда от 5 февраля 2004 года и от 3 августа 2004 года.

121. Что касается периода между 13 августа и 1 сентября 2004 года, Власти ссылаются на постановление от 23 августа 2004 года, которым краевой суд назначил заседание по рассмотрению дела заявителя и постановил оставить меру пресечения неизменной, и на постановление от 1 сентября 2004 года, которым краевой суд, в соответствии с пунктом 3 статьи 255 УПК РФ, продлил срок предварительного заключения заявителя на три месяца, начиная с 13 сентября 2004 года.

122. И наконец, власти утверждают, что в период с 13 ноября 2004 года по 25 апреля 2005 года заявитель содержался под стражей в соответствии с постановлениями суда от 1 ноября 2004 года и 26 января 2005 года.

Б. Оценка Суда

1. Содержание заявителя под стражей в 2003 году

123. В отношении жалобы заявителя на то, что его содержание под стражей в соответствии с постановлениями суда от 6 февраля 2003 года и 12 августа 2003 года было незаконным, власти заявили, что заявитель не обжаловал последнее постановление о содержании под стражей. Суд не считает необходимым рассматривать данный аргумент, так как в период содержания заявителя под стражей, санкционированный постановлением суда от 6 февраля 2003 года закончился 19 мая 2003 года, когда заявитель был осужден судом первой инстанции (см. выше, пункты 22 и 23), а период содержания заявителя под стражей, санкционированный определением суда от 12 августа 2003 года, закончился 6 ноября 2003 года, когда было вынесено еще одно постановление суда, продлевавшее содержание заявителя под стражей (см. выше, пункты 27 и 29). Данная жалоба была подана 19 сентября 2004 года, то есть более шести месяцев спустя после истечения обжалуемых периодов заключения.

124. Из этого следует, что эта жалоба была представлена с нарушением сроков и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

2. Содержание заявителя под стражей в период с 3 августа по 1 сентября 2004 года

(а) Приемлемость

125. Власти утверждают, что заявитель не обжаловал определение суда от 3 августа 2004 года в порядке надзорного производства, и таким образом не смог исчерпать внутренние средства правовой защиты. Суд напоминает, что, в соответствии со сложившейся судебной практикой, обращение за пересмотром в порядке надзорного производства в контексте уголовного судопроизводства в России пока не является внутренним средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано в соответствии с пунктом 1 статьи 35 (см. решение по делу «Бердзенишвили против России» (*Berdzenishvili v. Russia*), № 31697/03, ЕCHR, 17 сентября 2003). Следовательно, Суд отклоняет возражение Властей.

126. Суд отмечает, что данная жалоба является явно обоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

(б) Существо дела

127. Суд повторяет, что пункт 1 статьи 5 Конвенции, прежде всего, требует, чтобы задержание было «законным», что включает условие соблюдения установленного законом порядка. В данном вопросе Конвенция в основном отсылает к национальному законодательству и устанавливает обязательство соблюдать его материальные и процессуальные нормы, но, кроме того, она требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5, а именно защите физических лиц от произвола (см. недавнее постановление Большой палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (*Medvedyev and Others v. France*), жалоба № 3394/03, пункт 79, ECHR 2010). Толкование внутреннего права, и, в частности, норм процессуального характера - задача в первую очередь национальных властей, и, в частности, судов, и в отсутствие произвола Суд не будет подменять их толкование своим. Однако, так как в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции несоблюдение внутреннего законодательства может повлечь за собой нарушение положений Конвенции, следует, что Суд вправе и должен использовать определенные полномочия для рассмотрения вопроса о том, был ли соблюден закон (см. «Ташев против Болгарии» (*Toshev v. Bulgaria*), жалоба № 56308/00, § 58, постановление от 10 августа 2006 года, и «Штейн против России» (*Shteyn (Stein) v. Russia*), жалоба № 23691/06, §§ 89 и 94, постановление от 18 июня 2009 года).

128. Более того, Суд должен установить, соответствует ли само внутрисударственное право Конвенции, включая изложенные или подразумеваемые в ней принципы. Относительно данного вопроса, Суд подчеркивает, что в случаях, когда речь идет о лишении свободы, особенно важно соблюдение принципа правовой определенности. Таким образом, необходимо, чтобы условия лишения свободы в рамках национального права были четко оговорены, а также, чтобы последствия применения права были предсказуемы, и, таким образом, соответствовали изложенному в Конвенции стандарту «законности», который требует чтобы все законы были сформулированы достаточно четко, чтобы лицо - в случае необходимости, с учетом надлежащей консультации, - до разумного предела в соответствующих обстоятельствах могло предвидеть последствия, которые могут повлечь те или иные действия (см., среди последних источников, (Савенкова против России (*Savenkova v. Russia*), № 30930/02, § 65, 4 марта 2010 года).

129. В отношении рассматриваемого дела, власти утверждают, что содержание заявителя под стражей в процессе расследования было должным образом санкционировано определением Ставропольского краевого суда от 3 августа 2004 года. В этом отношении Суд отмечает, что 3 августа 2004 года Ставропольский краевой суд отменил приговор суда первой инстанции от 26 апреля 2004 года, которым заявитель был признан виновным, отправил дело на новое рассмотрение и продлил срок содержания заявителя под стражей. В своем определении суд не обосновал свое решение - оставить заявителя под стражей и не определил максимальный срок заключения.

130. Ранее в некоторых делах против России, касающихся аналогичных обстоятельств, Судом уже были признаны нарушения подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции (см., например, "Соловьев против России" (*Solovyev v. Russia*), № 2708/02, пункты 95-100, от 24 мая 2007 года; "Шухардин против России" (*Shukhardin v. Russia*), № 65734/01, пункты 65-70, от 28 июня 2007 года; и "Белов против России" (*Belov v. Russia*), № 22053/02, пункты 79-82, от 3 июля 2008 года). Разрешение на содержания заявителя под стражей, без судебного решения, имеющего под собой конкретные основания, и без установления определенного срока приравнивается к нарушению статьи 5, согласно которой содержание под стражей является исключительным отступлением от права на свободу и допустимо лишь в исчерпывающе перечисленных и строго оговоренных случаях (см. дело «Авдеев и Веряев против России» [*Avdeyev and Veryayev v. Russia*], № 2737/04, пункты 45-47, 9 июля 2009 года; «Бахмутский против России» [*Bakmutskiy v. Russia*], № 36932/02, пункты 112-14, 25 июня 2009 года; «Губкин против России» [*Gubkin v. Russia*], № 36941/02, пункты 112-14, 23 апреля 2009 года; «Игнатов против России» [*Ignatov v. Russia*], № 27193/02, пункты 79-81, 24 мая 2007 года; и "Худоев против России" [*Khudoyorov v. Russia*], № 6847/02, пункт 142, ECHR 2005--X (выдержки)).

131. Суд не видит каких-либо оснований для иного заключения по настоящему делу. Суд полагает, что определение от 3 августа 2004 года не соответствует требованиям ясности, предсказуемости и защиты от произвола, и что поэтому период содержания заявителя под стражей, санкционированный за этим определением, был «незаконным» в значении пункта 1 статьи 5 (см., среди других прецедентов, дело "Савенкова против России" [*Savenkova v. Russia*], цит. выше, пункт 68).

132. Власти ссылаются на то, что период содержания заявителя под стражей с 3 по 13 августа 2004 года также охватывается постановлением суда от 5 февраля 2004 года, санкционировавшим содержание заявителя под стражей с 6 февраля по 6 мая 2004 года; они указывают, что приговором от 26 апреля 2004 года заявитель был

признан виновным в совершении преступления, то есть за десять дней до истечения срока санкционированного заключения, и заявляют, что в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда России № 1 от 5 марта 2004 года, оставшийся десятидневный период продолжился с 3 августа 2004 года, когда постановление от 26 апреля 2004 года было отменено кассационной инстанцией.

133. Суд не принимает этот довод. Он отмечает, что в пункте 26 Постановления Пленума Верховного Суда России от 5 марта 2004 года, на которое ссылаются национальные суды и власти, указано, что период между вынесением приговора судом первой инстанции и вынесением определения кассационным судом, в отношении этого приговора, должен быть исключен из периода в шесть месяцев, предусмотренного для содержания лица под стражей до суда в соответствии с пунктом 2 статьи 255 УПК РФ (см. выше, пункт 81). В данном Постановлении ничего не говорится о тождественных рассматриваемому делу обстоятельствах, когда лицо было осуждено судом первой инстанции до истечения законного периода его содержания под стражей, "остаток" этого санкционированного периода должен автоматически применяться для санкционирования заключения лица после отмены приговора в кассационном порядке. Решение сложившейся ситуации не зафиксировано и в нормах национального законодательства. Поэтому Суд придерживается мнения, что практика национального суда основывалась на непредсказуемом применении национального права, что подпадает под понятие «произвола». Таким образом, нельзя сказать, что это соответствовало стандартам "законности", установленным Конвенцией (см. выше, пункт 128).

134. Учитывая это, Суд находит, что постановление суда от 5 февраля 2004 года не может рассматриваться как надлежащее законное основание для содержания заявителя под стражей в период с 3 по 13 августа 2004 года, и, следовательно, не может заключить, что это содержание под стражей было "законным" и соответствовало "предписанной законом процедуре" в понимании пункта 1 статьи 5 Конвенции.

135. Что касается периода содержания заявителя под стражей с 13 августа по 1 сентября 2004 года, власти ссылаются на постановление от 1 сентября 2004 года, которым Кировский районный суд санкционировал содержание под стражей заявителя с 13 августа по 13 ноября 2004 года. Суд отмечает, что указанное постановление суда санкционировало содержание заявителя под стражей в период с 13 августа по 1 сентября 2004 года задним числом. Власти не указали, где в национальном праве предусмотрена возможность принятия решения о санкционировании заключения пост фактум. Следовательно, содержание заявителя под стражей, на основании судебного решения,

31

принятого в отношении предшествующего периода, не было "законным" в соответствии с нормами национального права. Далее Суд напоминает, что любое *ex post facto* санкционирование содержания под стражей является несовместимым с "правом на личную свободу", поскольку обязательно включает в себе элемент произвола (см. "Худоев против России" [*Khudoev v. Russia*], цит. выше, пункт 142, и "Соловьев против России" [*Solovyev v. Russia*], цит. выше, пункт 99).

136. И наконец, в отношении того, что власти опираются на постановление от 23 августа 2004 года как санкционирующее содержания заявителя под стражей, по крайней мере, на время судебного разбирательства, Суд отмечает, что указанное постановление не было обоснованным и не определяло максимальным срок для продленного содержания заявителя под стражей (см. выше, пункт 37). Поэтому Суд заключает, что указанное постановление не соответствовало требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции по тем же причинам, какие указаны выше в пунктах 129-131.

137. В свете вышеизложенного, Суд заключил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в части содержания заявителя под стражей в период с 3 августа по 1 сентября 2004 года.

3. *Содержание заявителя под стражей в период с 13 ноября 2004 года по 25 апреля 2005 года*

138. Что касается предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей в период с 13 ноября 2004 года по 25 апреля 2005 года, Суд отмечает, что в своих постановлениях от 1 ноября 2004 года и 26 января 2005 года Кировский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 13 февраля и 13 мая 2005 года соответственно. Он также представил некоторые основания этих решений, достаточность и важность которых анализируется ниже в контексте соответствия пункту 3 статьи 5 Конвенции. Заявитель никогда не утверждал, что районный суд превысил свои полномочия или что в соответствующих постановлениях о продлении срока содержания заявителя под стражей содержались какие-либо недостатки, которые можно было бы считать "грубым и очевидным нарушением", так же не требовал признания соответствующих периодов содержания под стражей нарушающими пункт 1 статьи 5 Конвенции (см. дело «Моорен против Германии» (*Mooren v. Germany*) [GC], № 11364/03, пункт 84, от 9-июля 2009 года).

139. Таким образом, Суд считает, что период содержания заявителя под стражей с 13 ноября 2004 года по 25 апреля 2005 года, когда он был осужден судом первой инстанции, был законным в понимании пункта 1 статьи 5 Конвенции. Суд находит данную жалобу явно необоснованной, и она должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

140. Заявитель жалуется на необоснованное продление срока его содержание под стражей. Он ссылается на пункт 3 статьи 5 Конвенции, который предусматривает следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда».

A. Доводы сторон

141. Заявитель утверждает, что не обращался в кассационную инстанцию с жалобами на некоторые судебные акты, продлевавшие его содержание под стражей, поскольку находился под стражей и рассчитывал в этом отношении на своего адвоката, представлявшего его интересы в национальных судах.

142. Он заявляет далее, что национальные суды при продлении срока его содержания под стражей основывали свою позицию на одних и тех же аргументах, а именно, что заявителю предъявлены обвинения в особо-тяжком преступлении и он может скрыться, помешав таким образом установить все обстоятельства по данному делу. Он утверждает, что при обосновании принятых решений суды не приводили никаких фактических результатов расследования или доказательств. По словам заявителя, в ходе рассмотрения вопроса о продлении его содержания под стражей в национальных судах он и его защитник приводили следующие доводы: заявитель ранее не был судим, имеет положительные характеристики с места работы и жительства, имеет постоянное место жительства, имел работу до заключения под стражу, и во время нахождения заявителя под стражей его здоровье ухудшилось. Однако все эти аргументы были проигнорированы национальными судами.

143. Заявитель указывает также, что кассационный суд трижды отменял приговоры судов первой инстанции, согласно которым он был осужден, и направлял дело на новое рассмотрение. На его взгляд, после первого судебного решения об отмене решения суда первой инстанции, доводы судов относительно того, что он должен оставаться под стражей, дабы не помешать установлению истины, уже потеряли смысл, поскольку все свидетели были допрошены в ходе процесса, все доказательства были приобщены к делу, и таким образом он никак не мог "помешать установлению истины".

144. Таким образом, заявитель утверждает, что для постоянного продления срока содержания его под стражей не было представлено никаких значимых и удовлетворительных обоснований, и его

предварительное содержание под стражей продолжалось слишком долго, в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

145. Власти утверждают, что заявитель не исчерпал доступные внутригосударственные средства правовой защиты в отношении его жалобы в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, так как он не обжаловал в вышестоящих судебных инстанциях постановления районного суда от 6 декабря 2002 года, 12 августа 2003 года, 8 января и 1 ноября 2004 года и 26 января 2005 года, и не обжаловал определения краевого суда от 31 июля 2003 года и 3 августа 2004 года в порядке процедуры надзорного производства.

146. Они также утверждают, что вынося каждое постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей, районный суд ссылаясь на тяжесть обвинений, выдвинутых против заявителя, и на тот факт, что он может скрыться или помешать установлению истины по его делу. Кроме того, в постановлениях от 1 ноября 2004 года и 26 января 2005 года районный суд должным образом исследовал аргументы заявителя относительно состояния его здоровья и отклонил их за отсутствием каких-либо рекомендаций к его освобождению от врачей следственного изолятора, где содержался заявитель. Таким образом, Власти настаивают, что нарушение пункта 3 статьи 5 в настоящем деле отсутствует.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

147. Что касается довода властей относительно того, что заявитель не обжаловал определения от 31 июля 2003 года и 3 августа 2004 года в порядке процедуры надзорного производства, Суд уже отклонил этот довод в пункте 125, выше.

148. Что касается довода властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты по отношению к тому, что заявитель не обжаловал некоторые постановления о продлении срока содержания под стражей (см. выше, пункт 145), Суд напоминает: цель требования исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты состоит в том, чтобы дать Договаривающимся государствам возможность предотвратить или исправить предполагаемые нарушения прежде, чем обвинения достигнут Суда (см., среди многих других источников, дело Сельмуни (*Selmouni*), цит. выше, пункт 74). В контексте предполагаемого нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции, это правило требует, чтобы национальные власти имели возможность решить, было ли соблюдено право заявителя на обращения в суд в разумных временных пределах, и существуют ли достаточные и существенные основания,

продолжающие оправдывать лишение свободы (см., например, дело "Щеглюк против России" (*Shcheglyuk v. Russia*), № 7649/02, § 35, от 14 декабря 2006 года, или дело "Пшевечерский против России" (*Pshevecherskiy v. Russia*), № 28957/02, § 50, от 24 мая 2007 года).

149. В настоящем деле, после начала содержания заявителя под стражей в соответствии с постановлением суда от 8 октября 2002 года, он оставался под стражей до 25 октября 2005 года, когда он был освобожден из под стражи постановлением Кировского районного суда от того же числа. В течение этого периода заявитель обжаловал по меньшей мере два постановления суда о продлении срока его заключения, и в частности, он подал жалобу в кассационную инстанцию на постановление от 6 ноября 2003 года (см. выше, пункт 29) и постановление от 1 сентября 2004 года (см. выше, пункт 39). Таким образом, Суд полагает, что, хотя заявитель не обращался в кассационную инстанцию с целью обжаловать какие-либо иные постановления о продлении срока его заключения, принятых до сентября 2004 года, обжаловав два вышеуказанные судебные постановления, он дал Ставропольскому краевому суду, выступавшему в роли суда кассационной инстанции, возможность рассмотреть вопрос о том, было ли его содержание под стражей совместимо с его конвенционным правом на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до вынесения судом окончательного решения по делу. Действительно, краевой суд должен был оценить необходимость дальнейшего продления срока содержания заявителя под стражей в свете всего предшествующего периода содержания его под стражей, с учётом применения данной меры пресечения и продолжительностью содержания его под стражей (см. подобное обоснование в деле "Любименко против России" (*Lyubimenko v. Russia*), № 6270/06, § 62, от 19 марта 2009 года; "Полонский против России" (*Polonskiy v. Russia*), № 30033/05, § 132, 19 марта 2009 года; и "Ламажук против России" (*Lamazhyk v. Russia*), № 20571/04, § 80, 30 июля 2009 года).

150. Более того, краевой суд также имел возможность в связи с представлением прокурора пересмотреть постановление районного суда от 26 октября 2005 года, в соответствии с которым заявитель был освобожден из-под стражи в зале суда. Аналогичным образом, в ходе разбирательств краевой суду имел все возможности оценить доводы относительно необходимости продления содержания заявителя под стражей, учитывая длительность периода его заключения до того момента. Другими словами, у краевого суда была возможность рассмотреть вопрос о том, было ли содержание заявителя под стражей совместимо с его конвенционным правом на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до вынесения приговора суда. Суд считает не имеющим значения тот факт, что

кассационное производство в отношении постановления от 26 октября 2005 было инициировано прокурором, а не заявителем.

151. В свете вышеизложенного, Суд полагает, что нельзя считать, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своей жалобы на нарушение пункту 3 статьи 5 Конвенции. Следовательно, Суд отклоняет возражение Властей.

152. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Период времени, который необходимо принять во внимание

153. Суд отмечает, что пункт 3 статьи 5 Конвенции применим исключительно в ситуации, предусмотренной подпунктом (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции, составляющим с ним одно целое. Он не применяется в день вынесения приговора, пусть даже и судом первой инстанции, поскольку с этого дня лицо считается заключенным "по приговору компетентного суда" в понимании подпункта (а) пункта 1 статьи 5 (см. дело Полонского (*Polonskiy*), цит. выше, пункт 141).

154. В настоящем деле содержание заявителя под стражей до вынесения приговора длилось с 8 октября 2002 года, когда суд вынес постановление о его заключении под стражу, до 26 октября 2005 года, когда заявитель был освобожден в процессе рассмотрения дела в суде. На протяжении этого периода заявитель был осужден на основании приговоров Кировского районного суда от 19 мая 2003 года, 24 апреля 2004 года и 25 апреля 2005 года, которые были отменены определениями суда кассационной инстанции от 31 июля 2003 года, 3 августа 2004 года и 22 сентября 2005 года соответственно. В периоды между провозглашением приговоров суда первой инстанции и их отменой судом кассационной инстанции заявитель содержался под стражей "после осуждения компетентным судом" в понимании подпункта (а) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Эти временные промежутки не могут браться в расчет в понимании пункта 3 статьи 5 Конвенции. Суд отмечает далее, что после того, как судебное постановление об освобождении заявителя из-под стражи от 26 октября 2005 года было отменено определением суда кассационной инстанции от 30 ноября 2005 года, заявитель был снова заключен под стражу и оставался там до 21 декабря 2005 года, когда он был освобожден из под стражи в соответствии с постановлением суда от того же числа.

155. Из этого следует, что в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции должен рассматриваться проведенный заявителем в предварительном заключении срок в два года, два месяца и 22 дня.

(b) Обоснованность длительности рассматриваемого периода

156. В соответствии с практикой Суда, вопрос о разумности срока содержания под стражей не может рассматриваться *in abstracto*. Вопрос о том, надлежит ли оставлять обвиняемого под стражей, должен оцениваться в соответствии с особенностями каждого дела. Длительное содержание под стражей может считаться обоснованным только в том случае, только если имеются конкретные указания на то, что соблюдение интересов общества, независимо от презумпции невиновности, превышает правило уважения личной свободы.

157. Суд готов признать, что содержание заявителя под стражей в настоящем деле могло изначально оправдываться обоснованным подозрением, что он причастен к совершению уголовного преступления. В связи с этим Суд напоминает, что сохранение обоснованного подозрения в том, что задержанный совершил преступление, является условием *sine qua non* (определяющим) законности дальнейшего содержания его под стражей. Тем не менее, по истечении определенного срока данное условие больше не является достаточным. В таких случаях Суд должен установить, могли ли другие причины, представленные судебными органами, обосновывать лишение свободы. Если такие основания были «значимыми» и «достаточными», Суд должен также удостовериться в том, что компетентные национальные власти проявили «особое усердие» в проведении судебного разбирательства (см. дело Лабиты (*Labita*), цит. выше, пункты 152-53).

158. В настоящем деле национальные суды санкционировали продление срока содержания заявителя под стражей в ходе судебного производства 11 раз, основываясь, по большей части, на тяжести предъявленных ему обвинений и потенциальной возможности того, что в случае освобождения он скроется или воспрепятствует ходу расследования (см. выше, пункты 17, 19, 22, 27, 29, 31, 32, 37, 38 и 41).

159. Что касается ссылки судов на тяжесть обвинений как на решающий фактор: Суд неоднократно постановлял, что эта причина не может сама по себе служить оправданием длительных сроков содержания под стражей (см., среди других источников, дело Худоёрова (*Khudoyorov*), цит. выше, § 180). Это особенно важно в таких делах, как настоящее, где правовая квалификация фактов, - а следовательно, и возможное наказание для заявителя, - были определены обвинением без судебного исследования вопроса о том, подкрепляют ли собранные доказательства обоснованное подозрение в том, что заявитель совершил инкриминируемое преступление (см. дело

«Рохлина против России» (*Rokhlina v. Russia*), № 54071/00, § 66, от 7 апреля 2005 года).

160. Остается выяснить, удалось ли национальным судам установить и убедительно продемонстрировать существование конкретных фактов в подтверждение их выводов о том, что заявитель мог скрыться или воспрепятствовать отправлению правосудия. Суд повторяет, что обязанность установить существование конкретных фактов, которые могут стать основанием для продления срока содержания под стражей, является обязанностью национальных властей. Перекалывание бремени доказывания на подсудимого в подобных случаях равносильно ниспровержению статьи 5 Конвенции, согласно которой содержание под стражей является исключительным отступлением от права на свободу и допустимо лишь в исчерпывающе перечисленных и строго оговоренных случаях (см. дело Рохлиной (*Rokhlina*), цит. выше, пункт 67, и дело "Илийков против Болгарии" (*Ilijkov v. Bulgaria*), 33977/96, пункты 84-85, 26 июля 2001 года).

161. Суд отмечает, что национальные власти сделали вывод о потенциальной возможности того, что заявитель скроется или воспрепятствует отправлению правосудия, исключительно на основании того факта, что ему было предъявлено обвинение в особо-тяжком преступлении, а следовательно возможное вынесение сурового приговора. В связи с этим Суд повторяет, что, несмотря тот факт, что строгость приговора является важным элементом оценки риска того, что обвиняемый скроется от правосудия, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения и с принятием во внимание только тяжести преступления. Также продление срока содержания под стражей не может опережать вынесение приговора к лишению свободы (см. дела "Летелье против Франции" (*Letellier v. France*), от 26 июня 1991 года, пункт 51, Series A № 207; "Панченко против России" (*Panchenko v. Russia*), № 45100/98, пункт 102, от 8 февраля 2005 года; "Горал против Польши" (*Goral v. Poland*), № 38654/97, пункт 68, от 30 октября 2003 года; и дело Илийкова (*Ilijkov*), цит. выше, пункт 81).

162. В настоящем деле, национальные суды ни на каком этапе рассмотрения дела не представили никаких доказательств и не ссылались на конкретные факты по делу заявителя, подтверждающих необходимость продления срока содержания его под стражей. Судебные органы нигде не указывают, почему, несмотря на доводы, выдвинутые заявителем и его защитой в обоснование ходатайств об освобождении, они сочли, что угроза его побега или воспрепятствования правосудию существует и является решающим фактором. Помимо этого, предварительное расследование по настоящему делу завершилось 6 февраля 2003, но заявитель оставался под стражей еще более двух лет. В связи с этим Суд напоминает, что

если на начальных этапах расследования риск того, что обвиняемый может нарушить отправление правосудия может оправдать содержание его под стражей, то после того, как были собраны доказательства, это основание становится не таким очевидным (см. дело «Мамедова против России» (*Mamedova v. Russia*), № 7064/05, пункт 79, от 1 июня 2006 года).

163. Кроме того, Суд подчеркивает, что, согласно пункту 3 статьи 5, при решении вопроса о том, подлежит ли лицо освобождению или заключению под стражу, власти обязаны рассмотреть альтернативные меры обеспечения явки этого лица в суд (см. дело «Сулаоя против Эстонии» (*Sulaoja v. Estonia*), № 55939/00, пункт 64, от 15 февраля 2005 года, и «Яблонски против Польши» (*Jabłoński v. Poland*), № 33492/96, пункт 83, от 21 декабря 2000 года). Представляется, что в течение всего срока рассматриваемого дела национальные суды так и не рассмотрели возможность обеспечения явки заявителя при помощи применения других «мер пресечения», — таких как подписка о невыезде или личное поручительство, — которые непосредственно предусмотрены законодательством Российской Федерации для обеспечения надлежащего осуществления уголовного судопроизводства, или что они, как минимум, не стремились объяснить в своих решениях, почему данные альтернативные меры пресечения не могут обеспечить надлежащий ход судебного разбирательства.

164. Рассмотрев имеющиеся в распоряжении Суда материалы дела, Суд не убежден, что решения национальных судов были основаны на анализе всех относящихся к делу фактов. Суд согласен с заявителем в том, что власти не приняли во внимание доводы в пользу его освобождения до вынесения судом приговора, например, такие, как постоянное место жительства и положительные отзывы о нем. При продлении срока содержания заявителя под стражей с использованием одинаковых или аналогично сформулированных постановлений о заключении под стражу заявителя национальные власти не уделили должного внимания его индивидуальным обстоятельствам.

165. В целом, Суд считает, что, не сославшись на конкретные факты, имеющие отношение к делу, не рассмотрев возможность применения альтернативных «мер пресечения» и ссылаясь в основном на тяжесть предъявленных заявителю обвинений, власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые не могут считаться «достаточными». Таким образом, власти не смогли обосновать продление срока лишения свободы в отношении заявителя. При таких обстоятельствах нет необходимости решать вопрос о том, являлось ли дело сложным, и о том, осуществлялось ли производство с «особым усердием».

166. С учетом вышеуказанного соображения, Суд устанавливает, что имело место нарушение требований пункта 3 статьи 5 Конвенции.

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

167. На основании статьи 2 Конвенции заявитель жалуется, что за время, проведенное под стражей, его здоровье ухудшилось. На основании статьи 6 Конвенции он жалуется на общую несправедливость уголовного расследования в его отношении. На основании статьи 7 Конвенции заявитель жалуется также, что ему были предъявлены обвинения в преступлении, которого он не совершал. На основании статьи 8 Конвенции заявитель жалуется на то, что уголовное преследование и, в частности, обыски в квартире его отца затрагивали его частную жизнь. И наконец, на основании статьи 13 Конвенции заявитель жалуется на неэффективность российской правовой системы в целом.

168. Суд рассмотрел вышеуказанные жалобы, представленные заявителем. Однако, в свете, имеющихся материалов в его распоряжении, и в той мере, в какой вопросы, на которые подавались жалобы, находятся в пределах его компетенции, Суд находит, что они не выявляют никаких признаков нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

169. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

170. Заявитель требовал 200 000 американских долларов (USD, приблизительно 150 000 евро, EUR) в качестве компенсации морального вреда.

171. Власти оспорили указанную сумму, утверждая, что заявителю не должна присуждаться компенсация, так как его конвенционные права не были нарушены. Они предположили также, что если Суд

установит нарушение прав заявителя, то обнаружение нарушения будет являться достаточной справедливой компенсацией.

172. Суд отмечает, что им было установлено нарушение статьи 3 в процессуальном аспекте в связи с содержанием заявителя под стражей в период между 3 августа и 1 сентября 2004 года, а также нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции. Заявитель должен был испытать душевные мучения и страдания в связи с данными нарушениями его прав, что не может быть компенсировано одним лишь фактом признания нарушения. Принимая во внимание указанные соображения и исходя из принципа справедливости, Суд считает разумным присудить заявителю 20 000 евро по этому основанию плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

Б. Издержки и расходы

173. Заявитель не выдвинул требований о возмещении судебных расходов и издержек. Соответственно, Суд считает, что по данному вопросу присуждение каких-либо сумм не требуется.

В. Проценты на просроченный платеж

174. Суд считает, что процентная ставка при учете платежа должна быть установлена в размере предельной процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД:

1. 2. *объявляет* единогласно жалобы на нарушение статьи 3 и подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции, в отношении содержания заявителя под стражей с 3 августа по 1 сентября 2004 года, а также жалобу на нарушение пункта 3 статьи 5 и по статье 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции приемлемыми, а остальные жалобы неприемлемыми;
2. *постановляет* шестью голосами к одному, что нарушение статьи 3 Конвенции в материально-правовом аспекте отсутствует;
3. *постановляет* единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в процессуальном аспекте;

4. *постановляет* единогласно, что нет необходимости в отдельном рассмотрении жалобы заявителя на нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 3 Конвенции;
5. *постановляет* единогласно, что имело место нарушение подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей в период с 3 августа по 1 сентября 2004 года;
6. *постановляет* единогласно, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
7. *постановляет* единогласно,
- а) что власти государства-ответчика должны выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 20 000 (двадцать тысяч) евро, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в российских рублях по курсу, установленному на день выплаты, в качестве компенсации морального вреда;
 - б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты на вышеуказанную сумму будут начисляться простые проценты в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта;
8. *Отклоняет* единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 24 апреля 2012 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Нина Вайич
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается частично несовпадающее мнение судьи Ковлера.

Н.В.
С.Н.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

Я не могу разделить позицию Суда, что недостаточность доказательств не позволила ему сделать вывод "при отсутствии обоснованного сомнения" о том, что заявитель подвергался какому-либо обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, как он утверждал, и что, таким образом, нарушение статьи 3 Конвенции в материально-правовом аспекте отсутствует.

Во время заключительного этапа рассмотрения его дела, как и во время всего производства по делу, заявитель настаивал на своей невинности и повторял, что сделать признание на начальном этапе расследования его вынудили, путем осуществления побоев и угроз сотрудниками милиций (см. пункт 50). Заявителя выводили из камеры во время его административного ареста в отсутствие его адвоката для того, чтобы вынудить его сделать признание. Тот факт, что так называемый судебно-медицинский осмотр заявителя 7 октября 2002 года не выявил на его теле травм, не имеет никакого отношения к данному вопросу. Суд и сам признает, что некоторые формы психологического и физического давления не оставляют видимых следов (см. пункт 102). К сожалению, Суд не обратил достаточного внимания на этот факт. Логическое обоснование моих выводов по этому вопросу отличается от обоснований большинства.

Во-первых, я склонен согласиться с доводом заявителя, что сам факт того, что он был выведен из камеры в нарушение соответствующих правил, является доказательством принуждения. Боюсь, что заявителя выводили из камеры несколько раз, и вовсе не с целью попить чаю со следователями.

Во-вторых, в результате четвертого этапа судебного разбирательства, в своем приговоре от 2 мая 2006 Кировский районный суд постановил, что заявление Чумакова о том, что он дал признательные показания и сделал письменное "признание" под давлением сотрудников милиции, подтверждается журналом учета, регистрирующим, когда находящиеся под административным арестом покидали свои камеры. Согласно журналу учета, заявителя, в то время как он пребывал под административным арестом, трижды выводили из камеры 2 и 4 октября. Эти даты были определяющими в его "признании" в совершении преступления. Районный суд, таким образом, заключил, что "признание", хотя и было написано г-ном Чумаковым, не может рассматриваться как добровольное заявление относительно рассматриваемого преступления, и, следовательно, не

4

2 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЧУМАКОВ против РОССИИ» – ОСОБОЕ МНЕНИЕ

может считаться приемлемым доказательством. На мой взгляд, это является достаточным доказательством психологического давления, запрещенного статьей 3 (см. дело "Гёфген против Германии" ("*Gäfgen v. Germany*") [G.C.], № 22978/05, пункт 91, ECHR 2010). Подчеркиваю, что районный суд в конечном итоге оправдал заявителя и признал его право на реабилитацию.